

женные достаточнымъ запасомъ практическихъ знаній, выпускаются въ жизнь. Они становятся дѣльными работниками, часто даже болѣе работоспособными, чѣмъ нормальные люди. Они женятся или выходятъ замужъ, и ихъ семьи ничѣмъ не отличаются отъ другихъ семей, подчасъ достигая большаго благосостоянія.

Слабоумные, способности которыхъ настолько поражены, что въ нихъ не удается воспитать силы воли и устойчивости характера, оставляются по окончаніи школы, на всю жизнь въ особые учрежденія или колоніяхъ. Здѣсь, внѣ городской обстановки, они занимаются земледѣліемъ или ремеслами, сами окупая свое существованіе. Находясь въ соотвѣт-

ствующей обстановкѣ и подь постояннымъ надзоромъ, они не имѣютъ возможности впасть въ преступленіе, нищету или развратъ.

Система школъ, надзора и особыхъ учреждений для слабоумныхъ — несомнѣнно, самый дѣйственный методъ. Онъ существуетъ и внѣ Америки. Особенность же Америки, какъ и въ другихъ областяхъ работы, заключается въ чрезвычайно широкой постановкѣ дѣла, въ сѣти специальныхъ комитетовъ, раскинутыхъ по всей странѣ, которые стремятся не оставить незамѣченнымъ ни одного «случая».

Н. А. Клепининъ.

По поводу двухъ писемъ.*)

Моя замѣтка объ отношеніи христіанства къ социализму въ январскомъ номерѣ «Вѣстника» вызвала два письма въ редакцію. Авторъ перваго изъ нихъ, бар. **А. Штакельбергъ**, выражаетъ смущеніе по поводу того общаго соотношенія между социализмомъ, какъ социально-экономической системой, и христіанствомъ, которое я устанавливаю. Эту мысль мнѣ приходилось развивать на протяженіи многихъ лѣтъ**). Социализмъ, какъ совокупность мѣръ къ защитѣ слабѣйшаго отъ сильнѣйшаго, труда отъ капитала и къ соблюденію справедливости, можетъ быть въ частностяхъ своихъ оспариваемъ по сообра-

*) Настоящая статья представляетъ отвѣтъ на письма, помѣщенные въ «Почтовомъ Ящикѣ».

***) Въ частности см. мои книги: 1) Отъ марксизма къ идеализму. 1903; 2) Два града, 2 тома. 1910; 3) Философія хозяйства. 1912; 4) Свѣтъ Невечерній. 1917; 5) Очерки исторіи экономическихъ ученій, вып. 1. 1916; литографированные курсы по исторіи социальныхъ ученій и т. д.

женіямъ хозяйственной цѣлесообразности, но не по своимъ этическимъ заданіямъ, которыя соотвѣтствуютъ социальной любви. Исторически социализмъ, особенно въ образѣ коммунизма, дѣйствительно, вылился въ богоборчество, родъ воинствующаго атеистическаго ислама. Однако, требуется еще доказать, что эта связь есть внутренне необходимая и это опровергается примѣрами христіанскаго социализма, какъ въ доктринѣ, такъ и въ жизни). Конечно, сатана приѣмлетъ видъ ангела свѣта, чтобы обольстить неискреннихъ. Такое именно несоотвѣтствіе внутренняго и внѣшняго и составляетъ коренной порокъ современнаго социального движенія и бѣдствіе современнаго человечества. Но ничѣмъ не доказано, чтобы такое несоотвѣтствіе вытекало изъ природы вещей. Моя мысль обращена была въ упомянутой замѣткѣ однако не къ социалистамъ, которые насъ сейчасъ все равно не услышатъ, но къ церковному обществу, которое необходимо должно вмѣ-

ститъ сознание важности и социальнаго служенія Церкви, и социальной проповѣди христіанства. Послѣдняя и раздавалась прежде (напр., въ святоотеческую эпоху), а по существу никогда не оскудѣвала въ Церкви. Однако, церковная жизнь извнѣ сплошь и рядомъ страдаетъ безразличіемъ или примиренчествомъ, Церковь призвана бороться съ ненавистью и злобой, личной и классовой, но она можетъ это дѣлать лишь при условіи нелицепріятнаго свидѣтельства справедливости, — разумѣется, насколько оно совмѣстимо со всей христіанской проповѣдью въ цѣломъ. До тѣхъ поръ, пока еще не были открыты глаза на социальный вопросъ, можно было по невѣдѣнію и наивности укрываться въ естественный и до извѣстной степени законный консерватизмъ. Но когда глаза открываются, долгомъ Церкви становится будить совѣсть и звать народъ къ социальной правдѣ. Бороться съ безбожнымъ социализмомъ слѣдуетъ не анаеоматствованіемъ, вмѣстѣ съ его неправдой, и его правды, не отверженіемъ тѣхъ цѣлей, которыми прикрывается въ немъ челоѣконенавистничество и безбожіе, но раскрытіемъ полноты истины. Идеиная борьба не можетъ оставаться только отрицательной, но должна являться и положительной. Соціализмъ (въ томъ широкомъ и общемъ смыслѣ, въ какомъ я употреблялъ это выраженіе), какъ социальная реформа въ духѣ справедливости, входитъ въ кругъ церковнаго попеченія. Наше прошлое грѣшило небреженіемъ и равнодушіемъ къ этой области жизни и нерѣдко шло по линіи наименьшаго сопротивленія (подобно теперешней «живой церкви») и приспособленія. Иногда при этомъ заслонялись отъ суровой дѣйствительности славянофильствующими формулами, вродѣ приводимыхъ здѣсь словъ Достоевскаго, и за это жестоко теперь наказываемся. Если мы станемъ думать о Россіи и о русскомъ будущемъ, то

ясно, что тамъ Церковь силою вещей стала передъ социальнымъ вопросомъ, отъ него уже не отойдетъ и не станетъ обороняться анаеомой.

Я полагаю вообще, что возраженіе бар. Штакельберга основано, главнымъ образомъ на недоразумѣніи: онъ утверждаетъ, то, чего я не отрицалъ и изъ чего даже исходилъ, и, надѣюсь, онъ не разоидется со мною и въ признаніи социальной отвѣтственности Церкви. Потому здѣсь разногласіе больше терминологическое, вызванное прежде всего тѣмъ, что я, желая обострить вопросъ въ церковномъ сознаніи, намѣренно употреблялъ непривычныя и быть можетъ жесткія выраженія.

Г. Хилковъ возражаетъ съ противоположной точки зрѣнія, чѣмъ бар. Штакельбергъ. Онъ находитъ въ моихъ словахъ слишкомъ много уступокъ и оговорокъ. Я не буду касаться общаго тона этого письма, также какъ и его обличительныхъ частностей. Основная мысль г. Хилкова, въ общемъ сближающая его съ толстовствомъ, состоитъ въ прямолинейномъ пониманіи ученія Нагорной проповѣди внѣ связи со всѣмъ христіанствомъ, — такъ, какъ будто ею исчерпывалось Евангеліе, Новый Завѣтъ, вообще все ученіе Христа, проповѣданное Имъ самимъ и чрезъ Его апостоловъ. Отсюда получается чрезвычайно упрощенный радикализмъ, который сводится къ практической нѣтовщинѣ, — къ благочестивому нигилизму, для котораго вся исторія Церкви есть сплошное противорѣчіе ученію Христа, изложенному въ Нагорной проповѣди. Вся мысль, заключенная въ многословныхъ и гнѣвливыхъ сужденіяхъ автора, сводится или къ сплошнымъ обвиненіямъ историческаго христіанства въ нехристіанствѣ, или къ отвлеченнымъ требованіямъ личнаго поведенія изолированныхъ личностей, Ивановъ, Петровъ, Леонидовъ, взятыхъ внѣ «государства», «церкви», общества, исторіи. Конечно, челоѣкъ есть прежде

всего личность, имѣющая свою совѣсть и свою личную отвѣтственность, но каждый же человекъ есть и часть человѣческаго рода, живетъ въ исторіи, входитъ въ ея сверхличную ткань и постольку принадлежитъ и «церкви», «государству», нации, обществу и т. д. И, прежде всего, все это въ своемъ лицѣ явилъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, который, согласно Евангелію же, принадлежалъ къ своему народу, былъ «сыномъ Давидовымъ», членомъ іудейской церкви, законъ которой Онъ пришелъ не нарушить, но исполнить, возводя его къ высшему смыслу, подчинялся государственной власти (слова Его Пилату: «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было тебѣ дано свыше». (Іо. XIX-11). Это же приходится сказать и объ апостолахъ, прежде всего объ ап. Павлѣ, который, провозгласивъ богоустановленность власти, т. е. государства, самъ не отрицался званія римскаго гражданина, призывалъ всѣхъ, какъ господъ, такъ и рабовъ, оставаться въ томъ же званіи, вообще и словомъ и дѣломъ являлъ, при требовательнѣйшей христіанской совѣсти, и историческій разумъ, не примѣняя абсолютныхъ отвлеченностей въ области относительнаго безъ соотвѣтственнаго опосредствования ихъ. Апостолы путешествовали по римскимъ дорогамъ, пользовались охраной римскаго права, прибѣгали къ денежнымъ сборамъ, — словомъ, будучи, несомнѣнно, «Петромъ», «Павломъ» и т. д., были и сынами своей исторической эпохи, съ ея возможностями и границами. Конечно, это же самое въ дѣйствительности имѣло силу и для Толстого, какъ и для самого г. Хилкова, поскольку и онъ, хотя бы только въ данномъ случаѣ, посылаетъ по государственной почтѣ это свое письмо, писанное на капиталистически

изготовленной машинкѣ, для публикаванія въ журналѣ въ современныхъ, техническихъ и социальныхъ условіяхъ типографскаго дѣла и т. д. Эти примѣры мы приводимъ лишь для того, чтобы показать всю безотвѣтственность утопизма тѣхъ абстрактныхъ требованій, которыя не могутъ быть выполняемы даже не въслѣдствіе отсутствія доброй воли, но по ихъ отвлеченной внѣжизненности. Заповѣди Христовы суть «духъ и жизнь» (Іо. 6. 63), а не внѣшній законъ и правило, въ какковыя ихъ превращаютъ хранители буквы нагорной проповѣди. И поэтому единственный практическій итогъ такой постановки вопроса есть общее осужденіе и сплошное отрицаніе, вмѣсто участія въ общей работѣ ума и совѣсти, въ чемъ мы нуждаемся, — въ частности, въ области социальнаго христіанства.

Единственное, что требуетъ прямого отвѣта г. Хилкову, это мысль о томъ, что социализмъ явилъ себя, какъ воинствующее безбожіе лишь потому, что «въ своей борьбѣ съ социальными несправедливостями, неизмѣнно наталкивался на церковь». Это — неправда. Каковы бы ни были социальныя грѣхи историческаго христіанства и ихъ соблазнительное вліяніе, но не они породили то лютое богоборство, которое раскрывается предъ нашими глазами. Послѣднее имѣетъ свой собственный глубокой духовный источникъ въ діалектикѣ человѣческаго духа и въ борьбѣ съ Христомъ силъ антихристіанства. Превращать эту глубочайшую трагедію современнаго человѣчества въ социальное недоразумѣніе или же, дѣйствительно, въ «надстройку» надъ «экономическимъ базисомъ» значить ея не видѣть и не чувствовать.

Прот. С. Булгаковъ.

† Ральфъ Гарвеевичъ Холингеръ.

Изъ Америки пришла грустная вѣсть о смерти Ральфа Гарвеевича Холингера, преданнаго и вѣрнаго друга Россіи. Русскому Христіанскому Студенческому Движенію имя Р. Г. Холингера особенно дорого, такъ какъ съ этимъ именемъ связано начало и первое развитіе Движенія за границей. 1922 года осенью, когда въ Прагѣ возникъ «Комитетъ помощи духовному возрожденію русскаго студенчества», изъ котораго впоследствии выросло Движеніе, Р. Г. сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ, не только какъ первоклассный организаторъ, принесшій въ нашу русскую среду американскій организаторскій опытъ, но и какъ вдохновенный проповѣдникъ проведенія христіанской вѣры въ реальную будничную жизнь молодежи.

Однако, Ральфу Гарвеевичу былъ чуждъ тотъ «религіозный практицизмъ», который мы обычно приписываемъ американцамъ, какъ нѣчто столь характерное для нихъ, и пугающее русскую душу. Для Ральфа Гарвеевича были характерны два слова, которыя онъ неустанно повторялъ среди русскихъ студентовъ и въ Прагѣ, и въ Парижѣ и всюду, гдѣ только ни появлялся: «любовь и молитва». Всѣ мы слегка улыбались, когда онъ произносилъ эти слова съ его милымъ акцентомъ, и всѣмъ становилось пріятно и радостно на душѣ, вѣроятно, потому, что отъ этихъ словъ, дѣйствительно, вѣяло любовью и молитвой. Русская молодежь не такъ легко сходитъ съ иностранцами, но къ Р. Г. молодежь шла охотно и свободно бесѣдовала съ нимъ на самыя глубокія, религіозныя темы. Эта близость не дешево обходилась Ральфу Гарвеевичу. Онъ буквально «болѣлъ русской болѣзью». На немъ сказывалось то удивительное явленіе, когда человѣкъ совершенно другой культуры — американецъ, будучи захваченъ русской стихіей, самъ становится въ ка-

кой-то степени русскимъ, «своимъ» для насъ и «чужимъ» для американцевъ. Въ послѣдній разъ въ 1927 году мнѣ пришлось видѣть Р. Г. въ Нью-Йоркѣ, гдѣ онъ, будучи въ отпуску, работалъ въ Колумбійскомъ университетѣ... Передъ нимъ открывались новыя широкія возможности христіанской работы въ родной странѣ, гдѣ онъ родился, выросъ и учился, но его не радовали эти возможности. Онъ грустно говорилъ мнѣ о томъ, что его пугаетъ Америка, и онъ боится за ея душу, — что вниманіе современнаго американца слишкомъ захватываетъ техника, что здѣсь ему «прѣсно» и душно, и хочется вернуться къ русской жизни. Слушая эти слова, невольно думалось, — вотъ человѣкъ, который уже навсегда полюбилъ Россію въ ея самые черные годы. Но Ральфу Гарвеевичу не удалось вернуться къ русской жизни. Онъ началъ новую работу въ Чикаго, которую ему поручилъ Всем. Хр. Студ. Союзъ. Онъ принялъ это порученіе, какъ послушаніе и, работая для американскихъ студентовъ, несъ имъ тѣ же великіе христіанскіе завѣты, что и русской молодежи.

Ральфъ Гарвеевичъ умеръ неожиданно. Хотя онъ и болѣлъ въ послѣднее время инфлюенціей, но ничто не предвѣщало быстрой кончины; смерть послѣдовала отъ эмболии. Въ тотъ моментъ, когда онъ уже всталъ съ постели и готовъ былъ итти на обычную свою работу, сердце внезапно остановилось. Ральфъ Гарвеевичъ умеръ 43 лѣтъ, и впереди можно было ожидать еще много лѣтъ трудовой христіанской жизни. Но жизнь христіанина, видимо, не измѣряется годами. Господь призываетъ къ себѣ своихъ вѣрныхъ рабовъ тогда, когда душа ихъ готова вступить въ вѣчныя обители.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Ральфа.

Діаконъ Л. Липеровскій.

ИЗЪ РОССІИ ПИШУТЬ

(отъ подмосковнаго жителя).

Здравствуйте, дорогіе друзья! Вѣсточкѣ отъ васъ обрадовались мы, какъ яичку красному. Подъ Пасху и дошла до насъ. Живемъ мы попрежнему — не на горку, а подъ горку, но за все надо Творца благодарить. Творить Онъ, какъ вѣримъ мы твердо, ко благу, и пути наши Ему виднѣе.

Пасху встрѣтили безъ звона: колокола сняты и храмы въ вертепы обращены. Но и это не къ унынію должно служить. Съ Рождества до Пасхи мы одно знаменіе имѣли. Какъ разъ подъ минувшее Рождество иконоборчество сильное было: отбিরали образа, многіе жители сами приносили на площадь. Сложили на площадкѣ и подожгли. И всѣ они сгорѣли. А когда все это совершилось, стали новыя иконы себѣ покупать и заказывать. **И такое требованіе на нихъ явилось, что не только прежніе живописцы, но и хорошо обученные художники стали образа писать.** И пишутъ ихъ не изъ головы, а по лучшимъ древнимъ образцамъ, и не на простой олифѣ — варятъ по сохранившимся преданіямъ отъ знаменитѣйшихъ мастеровъ. Думали мы, и слѣда отъ тѣхъ преданій не осталось, умерло все. Анъ, нѣтъ, въ памяти-то народной и преданія живы, и образцы ликовъ свято сохранились. И жители теперь, особенно мастеровые и фабричные, покупаютъ иконы не попрежнему — лишь бы намалевано, годится — Богу помолимся, не годится — горшки накроемъ, — съ толкомъ и разборомъ по-

купаютъ, бѣднѣйшіе по 10, 15 рублей за доску заплатить не жалѣютъ. И еще просятъ, чтобы не какая либо липовая или осиновая доска, кипарисную требуютъ. Думали мы, и званія отъ живописнаго кипариса не осталось, а онъ явился, какъ изъ-подъ земли. Передъ самымъ Благовѣщеніемъ пришелъ къ одному живописцу мастерской съ завода, проситъ ему написать Божию Матерь. «Только мнѣ, говоритъ, пожалуйста, вотъ по какому образцу». И показываетъ образецъ: снимокъ Сикстинской Мадонны изъ стараго словаря Граната. Такъ вотъ и вышло, — не уничтоженіе иконъ, какъ мы по скудоумію своему вначалѣ полагали, а **великое обновленіе ихъ въ народѣ.** Небрежная и безбожная мазня изъ Холуя и Палехи сгорѣла, а благоговѣйное иконописаніе на ея мѣстѣ утверждается. И когда думаешь объ этомъ, видишь знаменіе, многое по иному въ нашей жизни понимаешь.

А сердце все таки скорбитъ. И больше всего отъ вида дѣтей безпризорныхъ. Поубавилось, было, ихъ у насъ. Одно время и совсѣмъ почти что незамѣтны были. А за минувшую зиму опять **чрезвычайно много образовалось, и все больше и больше видишь ихъ.** Много отцовъ и матерей напрасной смертью погибли и погибаютъ, а дѣти бродятъ по землѣ, не находя, кто дастъ имъ крошку хлѣба или хотя бы малую ласку. Роптать грѣхъ, но и умолчать грѣхъ: много горя видимъ, и страшимся, что еще больше горя въ скорости доведется увидѣть.

«Дни», 25 мая 1930 г. (№ 90).

Почтовый ящикъ.

Нижеслѣдующіе отклики на статью о. Сергія Булгакова «Православіе и социализмъ» печатаются нами съ большимъ опозданіемъ и съ сильными сокращеніями. Отвѣтъ на нихъ о. Сергія помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ.

I.

Отвѣтъ профессору прот. С. Булгакову
Въ январскомъ номерѣ Вѣстника Русск. Ст. Хр. Движенія помѣшено письмо въ редакцію прот. С. Булгакова подъ заглавіемъ «Православіе и социализмъ»,

въ которомъ глубокоуважаемый о. протоіерей высказываетъ мнѣніе, что для осужденія социализма, какъ такового, Церковью нѣтъ никакихъ основаній, что даже, наоборотъ, въ социализмѣ мы находимъ заповѣдь социальной любви и справедливости, попеченія о труждающихся и обремененныхъ, и что осужденію въ социализмѣ подлежитъ лишь то воинствующее богоборство, съ которымъ онъ нерѣдко исторически и фактически связанъ, каковая связь, однако, не вытекаетъ изъ самаго существа его. Это письмо, мнѣ кажется, не можетъ и не должно остаться безъ отвѣта. Затронутый въ немъ вопросъ слишкомъ важенъ для дальнейшей судьбы Православной Церкви и слишкомъ больно задѣваетъ насъ, вѣрующихъ.

Прот. Булгаковъ полагаетъ, что социализмъ, хотя и нерѣдко, но лишь исторически связанъ съ богоборчествомъ, но, что эта связь вовсе не вытекаетъ изъ самой сути социализма. Въ этомъ о. протоіерей, однако, глубоко ошибается. Социализмъ, какъ уже Достоевскій, прекрасно знавшій его внутреннюю природу, правильно сказалъ, «есть не только вопросъ рабочей или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть вопросъ атеистическій, вопросъ современнаго воплощенія атеизма». Социализмъ стремится къ устройству государственной и общественной жизни на началахъ атеизма. На мѣсто Бога становится человѣкъ и, въ частности, человѣкъ, трудящійся и неимущій, такъ называемый пролетарій, а Божія правда, которая есть истина, замѣняется человѣческою правдою, являющеюся весьма часто не истиною, а ложью.

Социализмъ есть атеизмъ во всемъ, такъ же и въ проповѣдываемой имъ экономической и социальной системѣ, которую, повидимому, защищаетъ прот. Булгаковъ. Въ основѣ системы лежитъ несущество-

ваніе Бога и обоготвореніе человѣка, въ частности, пролетаріата. Прот. Булгаковъ ошибается, если думаетъ, что социализмъ имѣетъ для христіанина лишь прикладное значеніе и является лишь вопросомъ практической этики, практической цѣлесообразности.

Въ концѣ своего письма прот. Булгаковъ ссылается еще на пробужденіе въ Церкви стремленій къ социальной правдѣ и проведенію въ жизнь социального христіанства. Это социальное христіанство, конечно, не можетъ и не должно имѣть ничего общаго съ социализмомъ. Социальное христіанство должно быть претвореніемъ въ жизнь началъ Божіей правды и Христовой любви.

А потому Церковь Христова и социальное христіанство, если хотятъ сохранить себя въ чистотѣ, должны рѣшительно отмежеваться отъ социализма, и церковное осужденіе (анаѳематствованіе) социализма являлось бы не «религіознымъ соблазномъ», какъ полагаетъ прот. Булгаковъ, а осуществленіемъ естественнаго желанія вѣрующихъ въ Божію правду членовъ Церкви, отсѣчь отъ нея все, что не отъ Бога, а отъ діавола.

Старый членъ С.-Петербургскаго
Студ. Христ. кружка,
А. бар. Штакельбергъ.

2.

Открытое письмо въ редакцію «Вѣстника».

Одинъ другъ прислалъ мнѣ январскій и февральскій номеръ «Вѣстника». Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго мнѣ хочется откликнуться нѣсколькими строками.

Прот. С. Булгаковъ говоритъ, что въ Евангеліи «мы находимъ заповѣдь социальной любви и справедливости, попеченія о труждающихся и обремененныхъ». Въ социализмѣ же подлежитъ отрицанію и преодоленію не система соци-

ально-экономическихъ идей, не то воинствующее безбожіе, съ которымъ онъ нѣдко соединяется, въ особенности же, теперь въ Россіи. И можетъ быть, доля вины въ этомъ лежитъ и на церковномъ обществѣ, съ его равнодушіемъ къ социальному вопросу.

Послѣдняя мысль прот. С. Булгакова заслуживаетъ самага пристального вниманія. Она выражена чрезвычайно сдержанно («можетъ быть», «доля вины»...), какъ бы съ нѣкоторой опаской. А между тѣмъ, если бы этой «опаски» не было, если бы прот. Булгаковъ захотѣлъ открыто повѣдать всѣмъ своимъ читателямъ ту правду, которая ему, конечно, извѣстна, онъ долженъ былъ бы громко, мужественно признать ту неразрывную связь, которая въ процессѣ историческаго развитія (искаженія?) церковности, создалась между послѣдней, съ одной стороны, и всѣми социальными несправедливостями и бѣдами, съ другой. Онъ долженъ былъ бы говорить о томъ, что связь эта была такъ очевидна и неоспорима, что въ сознаніи всѣхъ народовъ «церковь» стала синонимомъ «несправедливости».

Можно быть какого угодно мнѣнія о социализмѣ и его методахъ, но нельзя отрицать того, что онъ явилъ себя, какъ нѣкоторое «воинствующее безбожіе», вовсе не потому, что преслѣдуемая имъ социальная цѣль несовмѣстима съ подлинной религіей, но потому, что въ своей борьбѣ съ социальными несправедливостями онъ неизмѣнно наталкивается на церковь, игравшую по отношенію къ этимъ несправедливостямъ въ самомъ лучшемъ случаѣ роль щита.

Такова была роль исторической церкви, конечно, не въ одной только Россіи. И для того, кто захотѣлъ бы провѣрить справедливость этихъ утвержденій, проще всего взять атеистическую литературу и посмотреть — на чемъ она основывается.

Теперь, какъ и раньше, причина хуленія имени Божьяго—въ жизни и въ дѣятельности тѣхъ, кому ввѣренъ «законъ»; самъ по происхожденію іудей и фарисей, ап. Павелъ имѣлъ все же мужество прямо сказать объ этомъ. (Рим. II. 17-21, 23-24).

«Абсолютныя и непреложныя» заповѣди Евангелія (напр., «Не противься злomu. Кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую... Кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду... Любите враговъ вашихъ... благословите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ») обращены къ людямъ, они устанавливають отношенія между людьми. Но вотъ люди, всѣ эти Иваны, Петры, Леониды и пр., умъ которыхъ изворотливъ, какъ угорь, объявляютъ, что они болѣе уже не Иваны, Петры, Леониды (для которыхъ даны заповѣди), но «государство» или «церковь» (жизнь которыхъ никакимъ «абсолютнымъ и непреложнымъ» божескимъ законамъ не подчиняется...) и этой уловкой Иваны, Петры и Леониды сразу отъ всего, отъ всѣхъ своихъ обязанностей освобождаются.

Такимъ образомъ, «христіанскому» церковному обществу открылась полная, рѣшительно ничѣмъ не ограниченная и не стѣсненная возможность «благородно» нарушать любую изъ «абсолютныхъ и непреложныхъ» заповѣдей, жить такъ, какъ будто ихъ никогда и не существовало.

Все еще продолжая идти этимъ путемъ, церковное общество и теперь какъ будто нарочно дѣлаетъ все возможное для того, чтобы все дальше и дальше отпугивать массы отъ «христіанства», на сѣдалище котораго оно сѣло, и ключи котораго оно взяло въ свои руки.

Вотъ, на примѣръ, чтобы не ходить за примѣрами далеко, прот. С. Булгаковъ, несмотря на то, что какъ бы беретъ подъ свою защиту гонимый за предѣлы церковной ограды социализмъ, самъ же, въ

конць концовъ, проваливаетъ тотъ хрупкій мостикъ, который онъ осторожно перекидываетъ между евангельскими заповѣдями «соціальной любви и справедливости» и цѣлями социализма. Какъ бы между прочимъ, невзначай, онъ вводитъ въ скобки мысль о томъ, что «практически начала хозяйственной свободы и частной собственности и до сихъ поръ еще могутъ оказываться болѣе цѣлесообразными для всего общества, нежели преждевременно и насильственно водворяемая формы государственно-соціалистической кабалы». Эффектъ подобнаго утвержденія учесть, разумѣется, не трудно — оно отлично можетъ служить той спасительной тропиночкой, которая всякаго можетъ вывести изъ дебрей социализма на пространный путь капитализма.

Тутъ отъ взора прот. Булгакова, хотящаго видѣть лишь два «практическихъ» рѣшенія соціальнаго вопроса (либо то, что онъ такъ мягко вдругъ назвалъ «хозяйственной свободой», либо «государственно — соціалистическая кабала», совершенно исчезаетъ наличие третьяго рѣшенія вопроса — то, которое непосредственно дается искреннему христіанину вѣрой въ абсолютные и непреложные заповѣди Нагорной проповѣди.

Казалось бы, для человѣка, признающаго, что не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ, и что бессмысленно собирать всѣ сокровища міра, вредя въ то же время своей душѣ, должно быть вполне очевидно, что въ нашъ вѣкъ совершенно неумѣстно говорить о всякихъ экономическихъ и производственныхъ цѣлесообразностяхъ (подчиняя имъ жизнь) и проч., а б ы в а я о з а д а ч а х ъ и п о т р е б н о с т я х ъ н е и з м ѣ р и м о болѣе настоятельныхъ, острыхъ — можно даже сказать — трагическихъ. Неужели все еще надо напоминать, что нельзя одновременно «служить Богу и маммонѣ, что удовле-

твореніе нѣкоторыхъ духовно - нравственныхъ потребностей въ наше время болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, исключаетъ возможность заботы о всякихъ матеріальныхъ стяжаніяхъ, о всякихъ экономическихъ цѣлесообразностяхъ?..

Было бы чрезвычайно интересно услышать отъ церковнаго общества, — собирается ли оно теперь, «на старости лѣтъ», послѣ всего пережитаго ограничиться «открываніемъ Америкъ» и сваливаніемъ «разработки вопросовъ соціальнаго христіанства» на плечи чиновниковъ «постоянной международной организациі», созданной Стокгольмской конференціей, или же оно признаетъ за собою права и, главное, **обязанности** болѣе способныя «плодоносить» и «насыщать» голодныхъ — духовно, морально, физически.

Вѣдь, прот. Булгаковъ, самъ говоритъ: «Если Церковь не пользуется принадлежащимъ ей правомъ, которое есть вмѣстѣ и обязанность, тогда оно узурпируется ея врагами». Это совершенно естественно (неестественно тутъ только употребленіе слова — «узурпируется»), ибо, когда священникъ и левитъ, посмотрѣвши на раненаго, прошли мимо, тогда набрелъ на него самарянинъ и именно онъ, самарянинъ, а не левитъ и не священникъ — «сжалился и подошедъ перевязалъ ему раны, возливая масло и вино».. «Кто изъ этихъ троихъ, думаешь ты, былъ ближнимъ попавшемуся разбойникамъ?»..

Захочетъ ли теперь церковь передѣлать отвѣтъ на этотъ вопросъ, упразднить тотъ отвѣтъ, который признавался до сихъ поръ справедливымъ, и объявить, несмотря ни на что, «ближнимъ» священника и левита, а самарянина — гадкимъ, нечистымъ «узурпаторомъ». Или же она, наконецъ, сама перемѣнится, сама сжалится надъ тѣми, мимо которыхъ она проходила такъ легко въ прошломъ и «позаботится» о нихъ?

А. Хилковъ.